

Профессорский стипендиат Императорского Историко-филологического института

В 1873 г. Никитин получил возможность завершить свое образование в Лейпцигском университете в качестве профессорского стипендиата. Новый директор института Кедров, в отличие от своего предшественника Штейнмана, который смотрел на институт исключительно как на питомник будущих учителей, гораздо шире понимал задачи вверенного ему учреждения и предназначал лучших выпускников института не только для педагогической, но и академической карьеры.

В 1873 г. он добился от Министерства народного просвещения для института права командировать их в Германию для завершения образования. Кроме Никитина стипендию получили выпускники 1872 г. Н. С. Кириллов и В. М. Колесников; все трое были командированы в Лейпциг с 1 июля 1873 г. на два года. Курировал стипендиатов и снабжал их инструкциями экстраординарный профессор всеобщей истории (с 1869 г.) Ф. Ф. Соколов⁵⁵.

В 1870-е гг. Лейпцигский университет славился своей филологической школой благодаря Фр. Ричлю и Г. Курциусу. *Фридриха Ричля* (1806–1876) коллеги называли «спасителем Плавта» (*sospitator Plauti*), потому что его работы об этом авторе и издания текста комедий составили эпоху в изучении римского комедиографа⁵⁶.

Занятия архаичным языком Плавта привели Ричля к исследованию истории латинского языка. Наиболее значительным плодом этих занятий стало издание древних латинских надписей (*Priscae latinitatis monumenta epigraphica*, 1862).

С обширной ученостью Ричль соединял дар увлекательного преподавания, и за более чем 30 лет своей педагогической деятельности⁵⁷ он подготовил несколько десятков первоклассных филологов, которые заняли кафедры по всей Германии. Более того, этот ученый, глубоко сочувствуя учебной реформе, проводившейся в России, оказал в 1873 г. Министерству народного просвещения важную услугу, открыв при университете Русскую филологическую семинарию, предназначавшуюся для подготовки выпуск-

⁵⁵ О Соколове см. ниже.

⁵⁶ О Ричле см.: Müller A. Friedrich Ritschl. Eine wissenschaftliche Biographie. Berlin, 1877; Ribbeck O. Friedrich Wilhelm Ritschl. Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie. Bd. 1–2. Leipzig, 1881.

⁵⁷ Ричль был профессором в Галле (1829–1833), Бреслау (1833–1839), затем в Бонне (1839–1865), откуда из-за разлада с одним из коллег он перебрался в Лейпциг и оставался профессором до своей смерти.

кников гимназий к званию учителя древних языков⁵⁸. Кириллову и Колесникову вменили в обязанность вести в семинарии занятия по русскому языку⁵⁹.

Младший современник Ричля профессор *Георг Курциус* (1820–1885) провел в Лейпциге последние 24 года своей жизни⁶⁰. Специалист в области грамматики, он одним из первых применил сравнительное языкознание в классической филологии. Работу Курциуса «Основы греческой этимологии» (*Grundzüge der Griechischen Etymologie*, 1852–1862) дополнил и перевел на русский язык К. Я. Люгебиль⁶¹, а его труд о греческом глаголе

⁵⁸ ПИФИ и Учительский институт славянских стипендиатов, хотя и принесли существенную пользу отечественному образованию и во многом облегчили осуществление учебной реформы 1871 г., при постоянно возрастающем числе гимназий и прогимназий не могли целиком удовлетворить нужд народного образования. Министерство народного просвещения признало необходимым принять некоторые новые меры для подготовки учителей древних языков. Такой мерой и стало создание в 1873 г. Русской филологической семинарии (позже института) при Лейпцигском университете. В семинарию принимали природных русских, уроженцев Прибалтийского края и западных славян. Число стипендий, первоначально составлявшее 25, со временем было увеличено до 30, учебный курс был рассчитан на три года. Общим условием для всех обучавшихся в русской семинарии являлось обязательство прослужить в звании учителя в гимназиях Российской империи по 2 года за каждый год получения стипендии. После смерти Ричля директором семинарии стал Ю. Липсиус. Семинария прекратила свое существование в 1890 г., всего в ней обучались 113 человек; самыми известными выпускниками были Ф. Ф. Зелинский, А. И. Сонни, И. И. Луньяк. В 1911 г. была сделана неудачная попытка возродить Лейпцигскую семинарию в виде института для подготовки преподавателей по древним языкам и истории. Подробнее см.: Русская филологическая семинария при Лейпцигском университете с 1873 по 1877 год. СПб., 1877. Материал по этой теме собирается мною уже несколько лет, и отдельная работа в ближайшем будущем будет завершена.

⁵⁹ Сосуществование в это время в Лейпциге стипендиатов ПИФИ и Русской филологической семинарии породило расхожее мнение о том, что Никитин был с ней как-то связан, и ему приписывали участие в дальнейшей судьбе семинарии. Никитин в 1911 г. опроверг это заблуждение в письме С. Ф. Ольденбургу: «Отчета о Лейпцигской филологической семинарии я никогда не писал, да — насколько помню — и устно никогда официальных отзывов о ней не давал. Мало и знал ее. В самое первое время ее существования кое-что слышал о ней от моих товарищей по заграничной командировке, привлекавшихся к преподаванию в ней, кажется, русского языка; после встречал нескольких ее питомцев. Давши нам Зелинского, она, конечно, сделала больше того, что от таких учреждений можно ожидать. Но именно потому она и не может быть больше нужна: не нашлось бы для нее руководителя равного по широте знаний и яркости таланта»: ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 417. Л. 35. Письмо от 15.02.1911. Ростовцев ошибочно приписывал авторство одной из записок о Лейпцигской семинарии Никитину и Помяловскому: *Ростовцев М. И. Памяти Петра Васильевича Никитина* // Гермес. 1916. № 19. С. 445.

⁶⁰ *Sandys J. E. A History of Classical Scholarship*. Bristol, 1998. (Reprint of the 1903–1908 edition). V. 3. P. 207–208.

⁶¹ Начала и главные вопросы греческой этимологии, перевод с немецкого первой книги «Начертания греческой этимологии» Г. Курциуса, с согласия автора перевел и прибавил свои примечания К. Люгебиль. СПб., 1882.

(Das Verbum der griechischen Sprache. 1873–1876. Bd. 1–2) был подвергнут Науком суровой критике⁶².

Стипендиаты Историко-филологического института числились студентами университета и дважды отчитывались перед институтом о ходе своих занятий⁶³. Все время своей командировки Никитин безвыездно провел в Лейпциге. У Ричля он занимался латинской грамматикой, слушал «Энциклопедию, методологию и историю филологии» и объяснение комедии Плавта «Трехмонетчик» («Trinummus») и «Лягушек» Аристофана вместе с историей греческой комедии. У Курциуса Никитин слушал лекции по истории греческой литературы, грамматику греческого языка и его главный курс «Начала науки сравнительного языкознания в их применении к задачам и целям классической филологии».

Никитин быстро усвоил главный педагогический прием Ричля: «читать, много читать, очень много читать, как можно больше читать» (lesen, viel lesen, sehr viel lesen, möglichst viel lesen). В дополнение к лекциям Никитин проделал большую самостоятельную работу. В своем отчете он сообщает, что к лекциям проф. Ричля о греческой комедии он приготовился, «проработав два первых тома «Historia critica comicorum Graecorum» и фрагменты древней доаристофановской комедии из «Fragmenta comicorum Graecorum» Мейнеке. Затем частью прочитал вновь, частью перечитал все 11 комедий Аристофана и ознакомился с литературой по критике и интерпретации этого автора»⁶⁴. Чтобы лучше усвоить лекции Ричля о Плавте, Никитин перечитал дополнительно комедии «Привидение» и «Хвастливый воин», а чтобы не отвыкнуть от классической латыни, читал Цицерона, а кроме того, переводил на греческий язык с латинского Корнелия Непота. Дополнением к «Началам науки сравнительного языкознания» проф. Курциуса Никитину послужило знакомство с мнениями греческих философов о происхождении и сущности языка и с методами греческих грамматиков⁶⁵.

Помимо посещения лекций в университете Никитин на правах экстраординарного члена участвовал в работе филологического семинара, которой руководили Ричль и Курциус. Семинаром, или «семинарией» называ-

⁶² Nauck A. 1) Bemerkungen zu «Georg Curtius, das Verbum der griechischen Sprache I» // MGR. 1874. Т. IV. P. 1–57; 2) Bemerkungen zu «Georg Curtius, das Verbum der griechischen Sprache II» // MGR. 1877. Т. IV. P. 273–361.

⁶³ В делах института сохранился только второй отчет Никитина (ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 16–23 об. Отчет о моих занятиях за летний семестр 1874 г. и зимний 1874/5) и отзыв о первом, составленный куратором стипендиатов, профессором всеобщей истории Ф. Ф. Соколовым (Там же. Д. 453. Л. 16–16 об.).

⁶⁴ ЦГИА СПб. Там же. Д. 550. Л. 23.

⁶⁵ Там же. Л. 18.

лись специальные университетские курсы по какой-либо отрасли филологических наук, как правило, по классической филологии. Занятия проводились под руководством одного или двух профессоров на латинском языке и состояли в критическом объяснении классических писателей и обсуждении письменных работ студентов. Тему работы каждый участник выбирал по своему усмотрению из греческой или римской литературы. Готовую работу референт отдавал назначенному из членов семинара оппоненту, который составлял о ней критический отзыв. Обсуждение работ проходило в виде диспута между референтом и оппонентом под руководством профессора и в присутствии других членов семинара⁶⁶. В течение одного семестра толковали трагедию Эсхила «Семеро против Фив»; впоследствии Никитин сделал прозаический перевод этой трагедии. Два семестра были посвящены разбору древних латинских надписей, большим знатоком которых был Ричль. В собраниях, проводившихся под председательством Курциуса, в течение двух семестров переводили и объясняли трагедию Еврипида «Финикиянки».

Занятия в Лейпцигском университете дали Никитину много нового материала, который лег в основу его научных работ. На лекциях Курциуса по грамматике греческого языка слушатели постоянно имели дело с фактами греческой диалектологии. Для лучшего усвоения этого предмета Никитин решил взяться за свой первый самостоятельный труд «О древнем кипрском диалекте», который был основан на свежем эпиграфическом материале⁶⁷. «Я думал, — писал Никитин в своем отчете, — что предмет будет усвоен лучше, если занятия им не будут ограничиваться пассивным восприятием готовых представлений, но будут, по крайней мере до некоторой степени, состоять и в создании новых комбинаций представлений. Поэтому я предпринял маленькую работу о диалекте недавно разобранных кипрских надписей»⁶⁸.

Греческой диалектологии касалась и посвященная эолийским стихотворениям Феокрита магистерская диссертация Никитина. В Лейпциге Петр

⁶⁶ В состав Королевской филологической семинарии входили ординарные и экстраординарные члены. 12 ординарных членов были германскими подданными и получали стипендию. В ординарные члены принимали молодых людей, которые представили дирекции семинарии работу на латинском языке и зарекомендовали себя как преуспевающие в классической филологии. Вступление в семинарию в качестве экстраординарного члена было доступно каждому молодому человеку, занимавшемуся в университете. Экстраординарные члены имели право принимать участие в происходивших на семинарах диспутах, быть оппонентами работ ординарных членов и, если это не вредило интересам ординарных членов, брать на себя составление работы по интерпретации сочинений древних авторов.

⁶⁷ Никитин П. В. О древне-кипрском диалекте // ЖМНП. 1875. Ч. 179. Июнь. С. 69–106.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 22 об.–23.

Васильевич имел возможность заниматься у *Фр. Фришце* (1818–1878), знатока Феокрита, хотя он и не во всем соглашался с маститым ученым⁶⁹. О работе Никитина над диссертацией в первый год его пребывания в Лейпциге можно судить по отзыву Ф. Ф. Соколова: «Превосходный отчет г-на Никитина своей подробностью и обстоятельностью дает возможность составить более ясное понятие о ходе и направлении работ молодого ученого. Особенно интересно то, что г. Никитин говорит о своих самостоятельных занятиях — о своей будущей диссертации. Очевидно, он уже много сделал для диссертации, много читал и много думал. Он высказывает несколько главных мыслей подготавливаемого им сочинения о греческих буколиках, мыслей, которые составляют плод самостоятельного изучения избранного предмета. Можно ожидать, что диссертация Никитина будет весьма замечательной работой. Никитин скептически относится к излишествам конъектуральной критики новых немецких ученых. Мало того, он, если не ошибаюсь, считает ложным самый принцип новых исследований текста Феокрита, может быть, точнее будет сказать — упрекает эти исследования в отсутствии принципа. Но, высказывая такие решительные мнения о некоторых работах знаменитых ученых, он в то же время, как видно из всего отчета, далек от излишней самонадеянности и проникнут уважением к почтенной деятельности этих ученых. С мнением Никитина о подражательности Феокрита нельзя не согласиться. Будет очень интересно прочесть исследование его о том, как отсутствие самобытности и подражательность Феокрита отразилось на языке этого поэта»⁷⁰. Изучение фрагментов Софрона из Сиракуз, греческого поэта V в. до н. э., привело Никитина к справедливому выводу о том, что Феокрит «щеголял в чужих перьях» и подражал Софрону; Софрону принадлежала и обработка мотивов сицилийской народной поэзии, приписываемая Фришце Феокриту.

Никитин проявил исключительную целеустремленность как в выборе курсов лекций, так и в самостоятельных занятиях. За какой бы предмет он

⁶⁹ Никитин в 1874 г. начал было посещать лекции Фришце, посвященные трагедии Эсхила «Прометей», но потом бросил. Объяснял он это тем, что «их направление, как мне казалось, мало соответствовало моим потребностям. Оно было более эстетическое или, пожалуй, даже сравнительно-литературное, чем филологическое. Большая часть времени уходила на то, что для выражений Эсхила указывались параллели в литературах всевозможных народов и времен. Может быть, эта погоня за параллельными местами оправдывалась намерением указать на историческую связь, существующую между литературами, на то, что древнеклассическая литература есть фундамент новой; однако в большей части случаев предположение причинной, исторической связи между выражением какого-нибудь нового поэта и выражением Эсхила — оказывалось чистой невозможностью». Там же. Л. 17 об.—18.

⁷⁰ Там же. Д. 453. Л. 16–16 об. Отзыв Ф. Ф. Соколова об отчете Никитина. 19.03.1874.

ни брался, он всегда имел в виду конечную цель — свою диссертацию. В тех случаях, когда тема занятий вводила его в сторону, Никитин, хотя и с сожалением, отказывался от этих занятий. Слушая у Курциуса «Начала сравнительного языкознания», он не смог себе позволить заниматься санскритом, потому что, по его словам, он «боялся слишком далеко уклониться от своей ближайшей цели»⁷¹.

Во время учебы в Императорском историко-филологическом институте и Лейпцигском университете Никитин прошел строгую немецкую выучку, в полной мере испытал на себе обаяние немецкой филологической школы и стал ее поклонником и последователем.

Служба в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине

По возвращении в Петербург летом 1875 г. Никитина ожидало новое назначение на Украину, в только что открытый Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 23 августа Никитин прочел в ПИФИ пробную лекцию на тему «О значении диалектологии для решения грамматических вопросов» в присутствии профессоров института и профессора Петербургского университета К. Я. Люгебиля. Лекция была признана «весьма удовлетворительной как по содержанию, так и по изложению»⁷².

20 ноября 1874 г. Александр II утвердил мнение Государственного совета о преобразовании в 1875 г. лицея князя Безбородко в Нежине в Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине (НИФИ)⁷³. Колорит Нежина 1870-х гг. хорошо описал в своих воспоминаниях выпускник института 1882 г. А. В. Круковский: «Нежин раскинулся посреди обширной равнины и в 1870-е гг. представлял собой довольно большой, но все же захолустный уездный город. Среди полупатриархальной обстановки большого уездного города оригинальное явление представляло высшее учебное заведение, как бы случайно приютившееся в нем... Такому городу было бы подстать учительская семинария, самое большее учительский институт, но по какому-то капризу судьба сделала его рассадником учитель-лей гимназии для всей России.

В стороне от центра города, на правом берегу тинистого, неширокого

⁷¹ Там же. Д. 550. Л. 18.

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 45.

⁷³ В 1919–1920 г. институт был преобразован в научно-педагогический, в 1921 г. — в институт народного образования, в 1933–1934 г. — педагогический институт, в 1939 г. ему присвоено имя Н. В. Гоголя.